

Адам, Ева и кувшин с вином

Рисунки Зураба Церетели в "Доме Нащокина"

"Дом Нащокина" — поистине гордость Москвы, художественная галерея, стяжавшая благодарность и признательность россиян и мировую известность своими экспозициями современного и старого русского искусства, неизменно самого высокого уровня, самого тонкого вкуса. Помещающаяся в классицистическом особняке XVIII-XIX веков, связанном с именем друга Пушкина Павла Воиновича Нащокина, галерея являет собой яркий и достойный подражания пример того, как исторический памятник Москвы, бывший некогда очагом высочайшей духовной культуры своей эпохи, в наши дни остается тем же, служит делу просвещения, связывая наше великое историческое прошлое с настоящим, воспитывая патриотизм в самом высоком, самом прекрасном смысле этого слова. Достаточно назвать имена художников, чьи работы представляли на стенах "Дома Нащокина", великих классиков — Карла Брюллова, Алексея Венецианова, Ореста Кипренского, а рядом — ярких талантливых мастеров XX века Дмитрия Краснопевцева и Михаила Шварцмана, Татьяны Назаренко и Натальи Нестеровой, Владимира Вейсберга и Анатолия Зверева...

Ныне в стенах галереи экспонируются графические работы Зураба Церетели — рисунки и акварели. Для тех, кто знает Церетели лишь по его монументальным работам, а еще более по тем тенденциозным и недобросовестным выпадам, которыми вот уже который год не устают кусать мастера "папарацци", выставка окажется чем-то совершенно неожиданным. Тот, кому действительно известно творчество Церетели, кто был на его выставке в Малом Манеже в 1998 году, только еще раз убедится в яркости и самобытности этого удивительного мастера, чье неумное, фонтанирующее творчество проявляет себя буквально во всех видах и жанрах изобразительного искусства.

Рисунок, быть может, — самое органичное, самое естественное проявление натуры художника. Рисовать для него — то же, что жить. Он рисует всегда и везде — в пути, на заседаниях, во время разговора с самыми разными людьми: без церемоний, не спрашивая разрешения, набрасывает фломастером в альбом черты собеседника, запечатлевая свое непосредственное, сиюминутное впечатление от заинтересовавшего его человека. И уходит от

действительности, "раздваивает" свое сознание, совмещая деловые интересы, проблемы, трудности, которые ему непрерывно приходится разрешать, с воспоминаниями, интимными переживаниями, настроениями, которые никогда не умирают в душе, не тускнеют в глазах художника.

Люди его любимой Грузии, встреченные на горных тропах во время этнографических экспедиций, которыми так увлекался Церетели в молодые годы, увиденные на базарах и улочках старого Тбилиси, те же, что и в живописных работах горшечники, торговцы, дворники, уличные музыканты — характерные грубоватые корявые фигуры, явно утрированные, но всегда на редкость живые, с тяжелыми кистями натруженных рук, предстают в рисунках индивидуально, укрупненно, занимая собой все пространство белого листа бумаги. Церетели привлекает их из небытия, из глубин своей зрительной памяти, выводит на первый план, представляет во всей их монументальной значительности. На какой-то миг эта грузная старуха, продававшая глиняных кувшинов; этот ненадолго присевший отдохнуть скрипач с могучими плечами и руками крестьянина и тонким одухотворенным лицом артиста; этот босоногий, самозабвенно отдающийся музыке игрок на свирели; эти две женщины в покрывалах, не то играющие в какую-то игру пальцами рук, не то сложившие ладони в безмолвной

молитве, занимают все внимание художника, а вместе с ним и зрителя, оказываются в "центре мироздания" — и отходят, уступают место другим, все новым и новым людям, сливаются с ними в пеструю, многоликую толпу.

Сделанные мелким штрихом "мохнатые" черные линии рисунка тушью быстро и точно оббегают контур фигуры, сразу же, одним уверенным движением руки очерчивают ее силуэт, оставляя нетронутым пространство белой бумаги и в то же время передавая объем человеческого тела, его весомость, его живую, полнокровную плоть. Иногда — как в фигуре сидящей женщины с букетом цветов — линии утончаются, сводятся буквально к считанным скучным штрихам; белый фон и растворяет в себе фигуру, и выявляет, "подает" ее особенно весомо — так работали в графике Матисс, Пикассо, столь почитаемые и любимые Церетели.

Рисунок остается основой и его акварелей — всегда очень ярких, насыщенных звонкими, открытыми цветами, резкими сочетаниями желтого, красного, синего, зеленого с белым — оставленной нетронутой бумагой — и черным — тушью. Те же, что и в рисунках, простые и преломившиеся в памяти художественно обостренные типы — дворники, торговцы, нищие, просто мужчины и женщины — в цветных композициях обретают большее обобщение и отстранение. Они как бы уводятся в некий особый, фантастический, звенящий цветом сказочный мир, возносятся над землей, над скопищем мелких домиков, уходят из реального времени в иное вневременное пространство.

Опаленные огненно-красной охрой фигуры обнаженных женщин, влюбленных пар легко могут ассоциироваться с Адамом и Евой, с первозданным человеком, вылепленным из той же красной глины, что и деревенские кувшины, из той же земли, которая стала краской для художника.

Иногда, как в фигуре старого грузина в белом фартуке, в дворнике с метлой возле мусорной корзины, акварель остается жидкой и прозрачной, скорее подцветкой, чем цветом. Краски звучат локально, открытыми желтыми, синими, кирпично-красными оттенками. Иногда, как в рисунке тореро на взметнувшейся задними ногами разъяренном быке, краска обретает максимум плотности, доступной акварели, сливается в на редкость красивый гармоничный цветовой аккорд.

Графика Зураба Церетели, как, впрочем, и его масляная живопись, делается им без всякого предназначения. Без расчета на тиражирование, на воспроизведение в книге в качестве иллюстраций, на продажу, даже просто на экспонирование. Не носит она и характера подготовительных работ, накопления художественного багажа, который потом как-то реализуется в монументальных заказных работах. Нельзя даже сказать, что она делается "для себя", ради каких-то собственных творческих целей, в качестве эксперимента, пробы и т.п. В натуре Зураба Церетели нет такого противопоставления: для себя — и для зрителя (потребителя, покупателя, критика и пр.). Все, что он делает, в том числе и большие заказные монументальные вещи, он как-то образом делает "для себя" — вкладывает в них ту же неудержимую фантазию, ту же нерастрченную энергию, ту же радостную детскую потребность творить, лепить, раскрывать, что и в каждый альбомный набросок, сделанный на заседании президиума Академии художеств между разговорами о проблемах финансирования и ремонта Суриковского института, отстаивания прав художников на творческие мастерские, сохранения наследия умершего мастера, спасения галереи, помещение которой кто-то под тихую умудрился продать "новому азербайджанцу" — и так далее, и так далее, без конца.

...С фотографии в каталоге смотрит, лукаво и весело улыбаясь, удивительно похожий Зураб — с яркими, красно-желто-синими подтяжками на загорелых, цвета золотистой охры, обнаженных плечах, с кистью в руке над густо запыленной пестрыми красками палитрой; словно сошедший с собственного рисунка — плоть от плоти своих героев, своего, так дерзко ворвавшегося в нашу жизнь, всегда интересного, всегда неумного и неизменно талантливого искусства.

Мария ЧЕГОДАЕВА